Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/AVBOVU
УДК 821.131.1.0
ББК 83.3(4Ита)4

«НОВАЯ ЖИЗНЬ» ДАНТЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

 М.Л. Андреев
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, НИУ Высшая школа экономики,
Москва, Россия
Дата поступления статьи: 20 декабря 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 23 января 2022 г.
Дата публикации: 25 июня 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-28-39

Аннотация: Сравнительный анализ трех переводов «Новой жизни» Данте — М.И. Ливеровской (1918), А.М. Эфроса (1934), И.Н. Голенищева-Кутузова (1968). Переводы разделены временем формирования и смены переводческих школ, при этом оказываются парадоксально близки друг другу по показателям вольности и точности и по основным переводческим принципам. Если Ливеровская работает в парадигме своего времени, то Эфрос, выдерживая в прозаических частях основные установки «буквалистской» программы, в поэтических возвращается к опытам своих переводческих дебютов, т. е. к тому же Серебряному веку. Голенищев-Кутузов, хотя по рождению принадлежит к следующему поколению, поколенческого слома не пережил, поскольку значительную часть жизни провел в эмиграции. Вернулся в СССР он в середине 1950-х гг., в эпоху уже абсолютной монополии школы так называемого «творческого» перевода: его «Новая жизнь» представляет собой своеобразное сочетание переводческого официоза и традиций «бальмонтовского» перевода.

Ключевые слова: перевод, Данте, «Новая жизнь», М.И. Ливеровская, А.М. Эфрос, И.Н. Голенищев-Кутузов.

Информация об авторе: Михаил Леонидович Андреев — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований НИУ Высшая школа экономики, ул. Старая Басманная, д. 21/4, 105066 г. Москва, Россия.
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-5170-7634

E-mail: mikhailandreev1@gmail.com

Для цитирования: *Андреев М.Л.* «Новая жизнь» Данте в русских переводах // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 28–39. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-28-39

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

THE NEW LIFE BY DANTE IN RUSSIAN TRANSLATIONS

© 2022. Mikhail L. Andreev
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; School of the Advanced Studies in the Humanities, Presidential Academy of National Economy and Public Administration; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Received: December 20, 2021
Approved after reviewing: January 23, 2022
Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The author of the article conducts a comparative review of three translations of Dante's *The New Life* (*Vita Nova*). Translations by M.I. Liverovskaya (1918), A.M. Efros (1934) and I.N. Golenishchev-Kutuzov (1968) were made in different historical periods by representatives of different translation schools, but at the same time they turn out to be paradoxically close to each other in terms of freedom and accuracy, as well as in terms of basic translation principles. Liverovskaya works in the paradigm of her time, and Efros, maintaining the basic principles of the "literalist" program in the prose parts, in the poetic parts returns to the experiences of his translation debuts, i. e. to the Silver Age. Golenishchev-Kutuzov, although he belongs to the next generation by birth, did not survive the generational breakdown, since he spent a significant part of his life in emigration. He returned to the USSR in the mid-1950s, in the era of the already absolute monopoly of the so-called "creative" translation school: his *New Life* is a kind of combination of official translation and the traditions of "Balmont's" translation.
Keywords: translation, Dante, *The New Life*, M.I. Liverovskaya, A.M. Efros, I.N. Golenishchev-Kutuzov.
Information about the author: Mikhail L. Andreev, Corresponding Member of RAS, DSc in Philology, Director of Research, 1) A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Leading Resercher, School of the Advanced Studies in the Humanities, 2) Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo 82, 119571 Moscow, Russia; Leading Researcher, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, 3) National Research University Higher School of Economics, Staraia Basmannaya 21/4, 105066 Moscow, Russia.
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-5170-7634
E-mail: mikhailandreev1@gmail.com
For citation: Andreev, M.L. "*The New Life* by Dante in Russian Translations." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 28–39. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-28-39

«Новая жизнь» Данте четырежды переводилась на русский язык: А.П. Федоровым в 1895 г., М.И. Ливеровской в 1918 г., А.М. Эфросом в 1934 г., И.Н. Голенищевым-Кутузовым в 1968 г. Перевод А.П. Федорова с его непредставимыми уже для ближайшего поколения переводчиков вольностями мы из разбора исключаем[1]. Из остальных переводчиков меньше известна Мария Исидоровна Ливеровская (1879–1923), чуть ли не первая в России женщина, профессионально занимавшаяся медиевистикой, специалист по старофранцузской литературе, профессор. Кроме «Новой жизни» перевела французский средневековый роман «Окассен и Николет» (1914, переизд. 1935, 1956), были у нее и другие переводческие опыты. Абрам Маркович Эфрос (1888–1954), искусствовед по главному роду занятий, переводил много и постоянно: от «Песни песней» в самом начале его литературной деятельности (1909) до Петрарки в конце (1953). Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969), единственный профессиональный дантолог среди переводчиков дантовской «книжицы», также немало занимался художественным переводом; среди его работ — «Антология новой югославянской лирики» (1933), «Поэты Югославии» (1957) и др. (см.: [7; 6]).

Все три переводчика корнями своими уходят в Серебряный век. Ливеровская вообще пережила его всего на несколько лет, Эфрос в 1910-е гг. уже был весьма активен как литературный и художественный критик, сотрудничая в том числе и с «Аполлоном», Голенищев-Кутузов, самый младший, находился в эмиграции с 1920 г. и погрузился в Белграде и Па-

1 И.Н. Голенищев-Кутузов характеризует его перевод как полуграмотное переложение [3, с. 470]. Ср. также: [4] («перевод, особенно стихотворных частей книги, поражает непонятными и необъяснимыми вольностями»).

риже в атмосферу некоего законсервированного символизма (его ранние поэтические опыты, в частности, высоко оценивал Вячеслав Иванов). При этом к «Новой жизни» они подходили на дистанции поколенческого разрыва, и можно предполагать, что их переводы окажутся тем самым вполне репрезентативны для картины истории и смены переводческих школ.

«Новая жизнь», как известно, представляет собой прозиметр, и анализ переводов удобнее производить, разделяя прозаические и поэтические части.

Проза

Ливеровская [9]. Основная стилистическая тенденция — упрощение и модернизация, что проявляется и на уровне лексики, и на уровне внутрифразовых оборотов.

«Рифмованные пустячки» (Эфрос — «стихотворные безделицы», Голенищев-Кутузов — «малые стихотворения»), «задумавшись» (Эфрос — «поразмыслив», Голенищев-Кутузов — «раздумывая»), «мысли» («думы», «помыслы»), «сомнительные выражения» (Эфрос — «темные слова»), «как-то раз» («случилось»), «я бы спрятался» («я скрылся бы»), «сказало» («молвило»), «со страху» («в великом страхе»).

«Была очень бойка на язык» (Эфрос — «весьма изящна и искусна в речах», Голенищев-Кутузов — «отличавшаяся веселой и любезной речью»), «совсем ее оставит в покое» (Эфрос — «пренебрежет ею»), «имел полное основание» (Эфрос — «у меня был достойный повод»), «которую очень любил мой лучший друг» (Эфрос — «была донной первого моего друга», Голенищев-Кутузов — «имела большую власть над сердцем первого моего друга»), «так привлекала всех, что... люди бежали за нею, и это радовало меня необычайно» (Эфрос — «снискала себе такое благоволение у народа, что... люди сбегались... вследствие чего дивная радость охватывала меня»), «она влияет на людей», «я еще работал над этой канцоной», «это не относится к моим планам», «мои глаза начали слишком развлекаться».

Стоит отметить еще сравнительно большое число (около двадцати) случаев прямого непонимания оригинального текста. Вот несколько примеров:

E avvegna che — итальянский оборот, означающий «хотя», Ливеровская переводит «и случилось».

«И тогда я написал сонет» (комментарий к первому сонету книги) — написал не Данте, а его «первый друг» (т. е. Гвидо Кавальканти).

«Я избегаю близости моей донны» (глава XV, комментарий к сонету) — перевод с точностью до наоборот (не говоря уж о двусмысленности). У Эфроса: «не могу удержаться и не приблизиться к донне» (per che non mi tengo di gire presso di questa donna).

«Беатриче предстанет в воображении своего верного» (XXIV) — Beatrice si mostrerà dopo la imaginazione del suo fedele. “Imaginazione” здесь не «воображение», а «видение» (у Эфроса: «Беатриче явится служителю своему после его видения»).

«По Птолемею… девять сфер небесных вращаются» (XXIX, по рубрикации Ливеровской XXX) — дело не в том, что они вращаются, а в том, что их девять (число Беатриче). У Эфроса: «согласно с Птолемеем… девять существует небес, которые пребывают в движении» (secondo Tolomeo… nove sieno li cieli che si muovono).

«Три… есть чудесный фактор» (там же) — «фактор» — это «творец», «создатель», и он не «чудесный», а творит чудеса (lo fattore per se medesimo de li miracoli).

«И так как эта канцона кажется как будто вдовой до самого конца» (XXXI, у Ливеровской XXXII) — Не «так как», а «для того, чтобы» (E acciò che questa canzone paia rimanere più vedova dopo lo suo fine).

Считается, что Ливеровская знала семнадцать языков — итальянский, похоже, не в совершенстве.

Эфрос [8]. В целом стиль более высокий, чем у Ливеровской, но без существенного склонения в сторону архаизмов и славянизмов («светлица» в главке I — второй по счету Эфроса — пожалуй, единственный пример явной русификации). Строго выдержан порядок периодов (у Ливеровской не всегда), есть склонность к инверсиям. Термины, поэтические и философские, предпочитает затушевывать: «сонет пожалобнее» (VII) похоронил жанровое определение, «жалобу» или «плач» (lamentanza in uno sonetto), в главке XXI убрана или редуцирована схоластическая диалектика потенции и акта, при этом в рассуждении о категориях паломников (XL) допущена прямая калька («пальмиеры» и «перегрины» — у Ливеровской «пальмоносцы» и «паломники»). От куртуазной терминологичности

уходит и в обозначении одного из главных персонажей «книжицы»: божество, властвующее в душе у Данте, именуется Любовью (у Ливеровской — Амур, у Голенищева-Кутузова — Амор) с переменой рода и сдвигом всей системы коннотаций.

Голенищев-Кутузов [10]. Общая установка — на сглаживание понятийной и стилистической чужеродности текста, что осуществляется тремя основными способами.

1. Вводятся термины и понятия, невозможные в дантовскую эпоху. «Представилась мне достойная **тема**» (XXII), «**тема** эта достойна Амора» (XXIII), «он **цитирует**... Гомера» (XXV), «привожу эту **цитату**... как введение в новое **содержание**» (XXX).

2. Добавляются слова и обороты, разъясняющие содержание:

«Госпожа **спасительного** приветствия» (III, la donna de la salute, у Эфроса — «донна поклона»).

«Полные зависти и любопытства» (IV, «любопытство» добавлено).

«Преславная королева небес» (V) — Regina de la gloria (у Ливеровской и Эфроса — «царица славы»).

«Во-первых, я хотел рассказать... Во-вторых, я намеревался поведать... В-третьих, я стремился представить... В-четвертых, я должен был признаться...» (XVI) — В оригинале этих «хотел рассказать», «намеревался поведать» и пр. нет: просто «первое», «второе», «третье».

«Цель такой любви должна быть **необычной и небывалой**» (XVIII) — удвоение эпитета (la fine di cotale amore conviene che sia novissimo).

«Те стихи, которые ты посвящал ей... были бы **сложены иначе и выражали бы иное**» — не столько перевод, сколько разъяснение (quelle parole che tu n'hai dette... avrestú operate con altro intendimento).

«Если принять во внимание соотношение между латынью и народным языком» (XXV) — вообще отсутствует в оригинале.

«Увенчанная смирением, облаченная в ризы скромности» (XXVI) — «ризы скромности» добавлены переводчиком (у Эфроса точно: «венчанная и облаченная смирением»).

3. Длинные фразы регулярно разбиваются на несколько коротких, в итоге создается совершенно другой прозаический ритм. Примеров можно привести множество, я даю лишь два, что вполне достаточно для обрисов-

ки общей картины (для сравнения даются переводы Эфроса, сохраняющего синтаксический порядок оригинала):

	Голенищев-Кутузов	Эфрос
III	Когда я думал о ней, меня объял сладостный сон, в котором мне явилось чудесное видение. Мне казалось, что в комнате моей я вижу облако цвета огня и в нем различаю обличье некоего повелителя, устрашающего взоры тех, кто на него смотрит. Но такой, каким он был, повелитель излучал великую радость, вызывавшую восхищение. Он говорил о многом, но мне понятны были лишь некоторые слова.	И в размышлении о ней охватил меня сладкий сон, в котором явилось мне дивное видение: казалось мне, будто вижу я в своей комнате облако огненного цвета, за которым я различил облик некоего мужа, видом своим страшного тому, кто смотрит на него; сам же он словно пребывал в таком веселии, что казалось это удивительным; и в речах своих он говорил многое, из чего лишь немногое я понял.
IX	Тогда в моем воображении появился пресладостный владыка, который управлял мною силою добродетели благороднейшей дамы. Предстал как пилигрим, облаченный в убогие одежды. Он казался мне смущенным и смотрел в землю. Лишь порой взоры его обращались к реке, прекрасной, быстрой, прозрачной.	И вот сладчайшая властительница, которая правила мной ради достоинств благороднейшей Донны, явилась моему воображению в виде путника, легко одетого, в плохих тканях. Он казался мне удрученным и смотрел в землю, лишь иногда его взоры словно бы обращались к той прекрасной, и быстрой, и прозрачной речке...

Поэзия

«Новая жизнь» включает тридцать одно стихотворение (двадцать пять сонетов, одна баллата, пять канцон, из которых две незаконченные). Используя выработанную М.Л. Гаспаровым методику подсчета показателей точности и вольности[2], получаем следующие результаты:

2 Напомним, что показатель точности — это доля точно воспроизведенных значимых слов оригинала (существительных, прилагательных, глаголов и наречий) от общего числа слов оригинала, показатель вольности — доля добавленных слов от общего числа слов перевода.

Точность. Ливеровская — 48 %, Эфрос — 48 %, Голенищев-Кутузов — 40 %.

Вольность. Ливеровская — 44 %, Эфрос — 45 %, Голенищев-Кутузов — 54 %.

Показатели точности не особенно велики, но в целом соответствуют условной норме, а вот показатели вольности (особенно у Голенищева-Кутузова) это норму существенно превышают[3]. Переводчики приходят к таким результатам разными путями.

Ливеровская последовательно сопровождает «точные» существительные «вольными» эпитетами (причем, эти эпитеты не другие, чем в оригинале, они в оригинале попросту ничему не соответствуют, хотя появляются зачастую в сильных позициях, отвечая, в частности, за рифмовку). Как правило, они относятся к числу самых расхожих и банальных «поэтизмов», что неизбежно сообщает соответствующий колорит всему стихотворению: небеса бездонные, очи смущенные, одеяние прозрачное, горесть глубокая, прелесть живая, дорога скучная, пилигрим убогий, духи трепетные, голос ясный, тоска ужасная, взоры меркнущие, взор печальный и убитый.

Эфрос набирает свой процент вольности за счет парафразирования оригинала, иногда удаляясь от него очень далеко даже по смыслу, а в плане стиля — меняя стилевой регистр на более высокий.

«Дары любви чредой благих событий... Меня в те дни столь щедро осыпали» (VII) — в оригинале: любовь не по моим малым заслугам... даровала мне жизнь столь сладостную и приятную (здесь только одно точное слово — любовь).

«Томленье влюбленное по сердцу пробежит» (XX, вместо «рождается желание»), «любви нежданной новое рожденье (там же, вместо «пробуждается дух Амора»).

«Не ты ли тот, чей стих, не умолкая, мадонну пел» (XXII, 2 сонет) — “se’ tu colui c’hai trattato sovente di nostra donna”. Добавлен «стих», «не умолкая» вместо «часто», а «пел» вместо «рассказывал», «говорил».

«Да не предам всей тяжести терзанья» (XXXV) — в оригинале: я боялся показать свое ничтожество (paura di dimostrar con li occhi mia viltate).

3 Ср., к примеру, каковы эти показатели, по подсчетам Гаспарова, у переводчиков сборника «Поэзия Армении» (1916): [1, с. 182].

«И повесть той кончины такова» (XL) — в оригинале: «и слова, которые о ней можно сказать» (e le parole ch'om di lei pò dire).

Голенищев-Кутузов вместо обычных для переводчика поэзии слов-прокладок вставляет целые фразы-прокладки, в отличие от парафраз Эфроса вообще не имеющих никакой, ни смысловой, ни лексической, опоры в оригинале[4]. Именно отсюда идет такой его процент вольности.

«И не коснулась ночь предельных мет», «тот страх и трепет, то очарованье» (III), «краса и молодость погребены», «и сердца тайники обнажены», «и лик усопшей радостью сиял» (VIII, 1 сонет), «вы видели блаженное успенье» (VIII, 2 сонет), «открыта нам заветная дорога», «лишь с ним ты беспечальна и вольна», «останешься у милого порога», «не посрами возвышенного слога» (XII), «Амор, склонясь над вами как светило» (XIV), «растет и крепнет властная мечта» (XX), «шепчет он обет», «блажен ее предвозвестивший путь» (XXI), «нарушьте грустное молчанье», «вы траурную видели любовь» (XXII, 1 сонет), «источник слез твоих непостижим», «такой огонь в ее очах горит» (XXII, 2 сонет), «вы миновали дальние моря», «в скитаниях своих неутомимы», «проходите, все чувства затая» (XL).

Предположение, высказанное в начале, — о трех переводах «Новой жизни» как отражении трех этапов в истории отечественного перевода — приходится существенно скорректировать, если не прямо отвергнуть. Ливеровская, естественно, живет в своем времени, но не замечает намечающихся в нем изменений (связанных с изменениями в переводческой практике Валерия Брюсова). Не угадывает она и уже близких перемен в переводческой теории (связанных с деятельностью Гумилева). «Новая жизнь» Эфроса вышла в середине 1930-х гг. (время расцвета буквализма, или филологического перевода, как его предлагает называть М.Э. Маликова, см.: [5]), вышла в издательстве «Academia» (главный идеологический и печатный центр буквализма); сам Эфрос как раз в эти годы заведовал там редакцией, т. е. даже по должности был обязан являться не только сторонником, но и проводником этой переводческой программы. Однако заметных следов

4 В вводной заметке к собранию малых произведений Данте Голенищев-Кутузов подчеркивал: «Основную свою задачу переводчики видели в том... чтобы каждая строчка русских стихов, не расходясь со смыслом текста, вместе с тем напоминала звучание итальянских» [2, с. 5].

буквализм на его переводе не оставил — разве что в строгом соблюдении фразового порядка в прозаических частях. В стихотворных допущенная им вольность и соблюденная им точность никак в программу буквализма не укладываются.

Голенищев-Кутузов очень неблагосклонно оценивал перевод Эфроса. «В 1934 г. Абрам Эфрос перевел “Новую Жизнь” — это был третий перевод “книги памяти” в русской литературе. По сравнению с вульгарными отсебятинами Федорова и вольным пересказом Ливеровской перевод Эфроса более близок к итальянскому оригиналу. Прозаический текст очень неровен. Иногда переводчик впадает в излишний буквализм, но чаще он упрощает конструкции фраз, искажает синтаксис Данте, вольно перелагает некоторые места. Менее всего удались стихи “Новой Жизни”, они тяжелы, лишены певучести и звучания сладостного нового лада. Стиль молодого Данте Эфрос передать не сумел» [3, с. 501].

Отзыв странный[5]. Особенно странно слышать именно от Голенищева-Кутузова об упрощении конструкции фраз и искажении синтаксиса, а что касается стиха и его «певучести», то в его переводе «Новой жизни» это больше, чем наполовину, стих именно переводчика. Вернулся в СССР Голенищев-Кутузов в середине 1950-х гг., когда буквализм был окончательно разгромлен и в качестве безальтернативного переводческого метода утвердился так называемый «творческий» перевод. Однако даже самые ревностные его адепты редко позволяли себе такие вольности. Более вероятно, что свои переводческие навыки Голенищев-Кутузов не приобрел на родине, а привез из эмиграции — слишком они напоминают, даже количественно, то, что известно о переводческой практике Бальмонта и Вячеслава Иванова, главного для Голенищева авторитета (в переводах армянских поэтов у обоих, по подсчетам Гаспарова, показатели вольности превышают показатели точности). Похоже, что если для Ливеровской Серебряный век — это естественная среда, то для Эфроса и Голенищева-Кутузова — не только бэкграунд, но и традиция, от которой они так и не смогли освободиться.

5 Голенищев-Кутузов почти все предыдущее поколение отечественных дантоведов оценивал весьма сурово: А.К. Дживелегов тоже попал под раздачу. Впрочем, расплата не заставила себя ждать. Когда на неофициальном посту главного советского дантолога Голенищева сменил И.Ф. Бэлза, то Голенищев оказался в положении Дживелегова, а Дживелегов, наоборот, подвергся реабилитации. Тут отношения прямо по Тынянову.

Список литературы

Исследования

1 *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2: О стихах. 501 с.

2 *Голенищев-Кутузов И.Н.* От редакции // *Данте Алигьери*. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 5–6.

3 *Голенищев-Кутузов И.Н.* Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. 551 с.

4 *Орлицкий Ю.* «La vita nuova» Данте в восточнославянских переводах // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча: матэрыялы XII Міжнар. навук. канф., Мінск, 22–24 кастр. 2015 г.: у 2 ч. Мінск: БДУ, 2016. Ч. I. С. 26–40.

5 Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов / сост. М.Э. Баскина. СПб.: Нестор-история, 2021. 719 с.

6 *Шешкен А.Г.* Илья Николаевич Голенищев-Кутузов — переводчик поэзии югославян в России (к 110-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 6. С. 108–122.

Источники

7 *Голенищев-Кутузов И.Н.* Трудись, огонь. Избранные переводы. Пиза; М.: Водолей, 2008. 304 с.

8 *Данте Алигьери*. Новая жизнь / пер. А. Эфроса. М.: Худож. лит., 1965. 178 с. (первоизд.: Данте. Новая жизнь / пер., введение и примеч. А.Эфроса. М.: Academia, 1934. 240 с.).

9 *Данте Алигьери*. Новая жизнь / пер. М.И. Ливеровской. М.: РИПОЛ классик, 2018. 212 с. (первоизд.: Данте. Новая жизнь / пер. в стихах с введением и коммент. проф. М.И. Ливеровской. Самара. Изд. Штаба 4-й армии, 1918. 95 с.).

10 *Данте Алигьери*. Новая жизнь / пер. И.Н. Голенищева-Кутузова // *Данте Алигьери*. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 7–53.

11 *Dante Alighieri*. La Vita nuova / a cura di M. Barbi. Firenze: R. Bemporad e figlio, 1932. CCIX, 178 p.

References

1 Gasparov, M.L. *Izbrannye trudy* [*Selected Works*], vol. 2: O stikhakh [On Poetry]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 501 p. (In Russ.)

2 Golenishchev-Kutuzov, I.N. "Ot redaktsii" ["Editorial"]. Alig'eri, Dante. *Malye proizvedeniia* [*Small Works*]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 5–6. (In Russ.)

3 Golenishchev-Kutuzov, I.N. *Tvorchestvo Dante i mirovaia kul'tura* [*Dante's Work and World Culture*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 551 p. (In Russ.)

4 Orlitskii, Iu. "'La vita nuova' Dante v vostochnoslavianskikh perevodakh" ["'La vita nuova' by Dante in East Slavic Translations"]. *Slavianskiia litaratury ў kantekstse susvetnai: da 750-goddzia sa dnia naradzhennia Dante Alig'ery i 85-goddzia Uladzimira Karatkevicha: materyialy XII Mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 22–24 kastr. 2015 g.: u 2 ch.* [*Slavic Literature in the Context of the World: to the 750th Anniversary of the Birth of Dante Alighieri and the 85th Anniversary of Vladimir Karatkevich: Proceedings of the XII International Scientific Conference, Minsk, October 22–24, 2015: in 2 Parts*], part 1. Minsk, Belarussian State University Publ., 2016, pp. 26–40. (In Russ.)

5 *Khudozhestvenno-filologicheskii perevod 1920–1930-kh godov* [*Literary and Philological Translation of the 1920s–1930s*], comp. by M.E. Baskina. St. Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2021. 719 p. (In Russ.)

6 Sheshken, A.G. "Il'ia Nikolaevich Golenishchev-Kutuzov — perevodchik poezii iugoslavian v Rossii (k 110-letiiu so dnia rozhdeniia)" ["Ilya Nikolaevich Golenishchev-Kutuzov — Translator of Yugoslav Poetry in Russia (to the 110th Anniversary of his Birth)"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia*, no. 6, 2014, pp. 108–122. (In Russ.)